

HARLEQUIN®

030

Элизабет Бикон
**Последний
сезон**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон

Последний сезон

«Центрполиграф»

2011

Бикон Э.

Последний сезон / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2011 — (Исторический роман – Harlequin)

Виконт Шаттлворт, лишившись юношеских иллюзий, намерен воспользоваться знаменитым лондонским сезоном, чтобы наконец подыскать себе жену – полную противоположность той бессердечной красавице, которая небрежно отвергла его три года назад И предмет его прежних воздыханий Кэтрин Элстоун также возлагает надежды устроить в этот сезон свою личную жизнь Однако, не желая повторить ошибку старшей сестры, угодившей в сети коварного обманщика, она приглядывает себе жениха на величайшем брачном аукционе Англии, движимая не чувствами, а здравым смыслом Но наивностью девушки решила воспользоваться парочка нечистоплотных авантюристов И теперь Кэтрин остается надеяться только на мужчину, которого она когда-то не восприняла всерьез

© Бикон Э., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Бикон

Последний сезон

Глава 1

– Лорд Шаттлворт! – с неподдельным восторгом воскликнула Элиан, маркиза Пемберли, бывшая леди Рис, заведя молодого джентльмена, который решительно пробирался к ним через бальную залу резиденции леди Финчли. – Какое удовольствие снова видеть вас. Словно сто лет прошло, едва узнала.

– А я непременно узнал бы вас всегда и везде, миледи. Кстати, примите мои поздравления в связи с вашим вторым замужеством, – непринужденно произнес виконт – один из самых завидных женихов на лондонском брачном аукционе – и окинул взглядом леди, стоявшую рядом с Элиан Пемберли. – Мисс Элстоун, надо полагать, в добром здравии?

– Благодарю, милорд, – холодно ответила Кейт Элстоун: пусть не надеется загипнотизировать ее насмешливым взглядом серо-зеленых глаз.

Элиан, не видя ничего странного в том, что Кейт и лорд Шаттлворт чувствуют себя неловко в обществе друг друга, и принимая их обоюдно отточенную вежливость за некий изощренный флирт, продолжила:

– Я получила ваше письмо и подарок чудесный, не из тех, которые приходится прятать подальше от взоров гостей. Вы бы видели настольный канделябр, которым одарила меня золовка, явно чтобы он снился мне по ночам! Кейт видела. Правда, ужас, прелесть моя?

– Правда, но ей лучше не знать о наших пересудах.

– Шаттлворт не выдаст нас, хотя наверняка согласится со мной, когда ему посчастливится лицедреть это уродство. Жаль, вы не смогли присутствовать на нашем бракосочетании, милый друг. Правда, все было очень скромно, ведь у нас обоих это второй брак.

– Н-да, скромный завтрак с ближайшими друзьями персон этак на двести, – мрачно пробормотала Кейт, искоса взглянув на свою наперсницу, которая невинно таращила глаза, словно понятия не имела о том, что забыла уведомить подружку о приглашении лорда Шаттлворта прошлым летом на свадебное торжество.

Нельзя сказать, что он счел недостойным для себя принять приглашение, думала она с неприязнью к ним обоим. Наверняка знал – ее непременно включат в список приближенных семьи Элиан, и встречаться с ней, тем более беседовать, никак не желал. Все прояснилось на первом же балу этого сезона. Она заметила, как он покидает залу, едва заведя ее в дверях в компании приятельниц. Потом они еще раз виделись в театре. Он тогда предпочел находиться в ложе, куда леди ни под каким предлогом, даже в мечтах, носа сунуть не смели, а она сидела в ложе напротив. Нет, она не так глупа, чтобы не заметить, как он поглядывал в ее сторону, развлекаясь в компании одной из примадонн *demimonde*¹ и ее покровителя. Этот одержимый веселился достаточно кисло. Если его милость желает показать, что последние три года не носит траур по Кейт, пусть старается. По крайней мере, его фиглярство поможет ей душевно провести очередное скучное лето в Лондоне.

– Понадобилась мудрость Соломона и изворотливость целого дипломатического корпуса, чтобы угодить всем и каждому в той когорте, – обратилась Элиан к подруге и содрогнулась при воспоминании о помпезном торжестве, устроенном ради удовлетворения амбиций ее нового повелителя.

¹ Полусвета (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

– Еще бы, – горячо согласилась Кейт, вспоминая, как ей пришлось увещевать многочисленных родственников маркиза, возмущенных тем, что два-три десятка их ближайших друзей не включены в список приглашенных, и они, таким образом, не смогут похвастать присутствием на самом громком бракосочетании года.

– Дело прошлое, – кокетливо вздохнула Элиан. Ее второй муж, как было всем известно, обожал ее, не без пылкой взаимности.

Кейт удивилась: неужели злопыхатели осуждают их счастье? Однако Эдмунд Борт, к ее тайной радости, похоже, не завидовал. Напротив, тепло улыбался, оглядывая ее приятельницу, чинно поджавшую губы.

– Еще раз поздравляю вас от всей души.

Он намеревался учтиво отбыть, да только Элиан не собиралась так легко его отпускать.

– Несомненно, мы еще увидимся с вами. Ведь это событие не фатально, да и невозможно упорно обходить стороной давних приятелей, как вам кажется? – безыскусно сказала она.

– Всегда старался чураться старомодности, – вежливо ответил Эдмунд, а Кейт заметила, как сжался его рот, а серо-зеленые глаза блеснули сталью, хотя ее верная телохранительница, видно, ничего не заметила.

Элиан прикусила язычок, вопреки обыкновению не найдя, чем заполнить неловкую паузу.

– Элиан, я вижу Джулию Дибен, может, присядем рядом с ней, пока не заняты лучшие места в зале, иначе нам достанутся жесткие стулья, – попыталась Кейт разрядить обстановку и дать возможность его милости отбыть подобру-поздорову.

– Не окажете ли мне честь ангажировать вас сегодня на танец, мисс Элстоун? – Этот негодник решил-таки доставить себе маленькое удовольствие.

Кейт молча передала свою бальную карточку, никак не выказав, что танцевать с ним – сущее наказание для нее. А ведь некогда они запросто танцевали, и так слаженно, что ноги сами несли обоих. То было единственное занятие, в котором они достигали полного согласия, теперь же удовольствие будет отравлено, ведь Эдмунд в душе ненавидит ее! Он вернул карточку, и она, обмирая, увидела, что два тура отмечены его инициалами. Итак, предстоит вытерпеть, держась холодно и равнодушно, два вальса. Она поежилась от подобной перспективы.

– До скорой встречи, мисс Элстоун, леди Пемберли. – Галантный поклон, дежурная улыбка. Сердце Кейт отчего-то заныло.

Тем не менее, привычно соблюдая этикет, она столь же элегантно присела в небрежном реверансе и безразлично вежливо улыбнулась.

– Увидимся, лорд Шаттлворт, – непринужденно бросила она, стараясь не выдать сердечной боли. Поджала губы, провожая взглядом бывшего воздыхателя, теперь такого холодного и далекого.

– Так вы присматриваете себе мужа этим летом, Кэтрин Элстоун? – настойчиво поинтересовалась Элиан, но шутливость ее тона не обманула Кейт, она поняла, на кого намекает ее компаньонка, хотя виконт Шаттлворт явно не испытывал восторга от этой идеи.

Они пересекали залу приветствуя приятельниц и знакомых, Кейт между тем лихорадочно обдумывала свой ответ, пытаясь не смущать себя мыслями об Эдмунде Борте. Элиан вечно пристаёт с вопросами, на которые меньше всего хочется отвечать.

– Возможно, – осторожно откликнулась Кейт, когда Элиан, шурша юбками, опустилась на канapé. Очень хотелось надеяться, что никто посторонний не услышит их давно назревшего разговора за ровным гулом беседы в зале и пикианьем музыкантов, настраивавших инструменты.

– Что ж, если вы еще раздумываете, могу пока подобрать потрясающую партию для вашей сестры Изабеллы. Вот уже три года мы с Мирандой без толку бьемся с вами, и впредь я не намерена домогаться внимания человека, которого вы затем сторонитесь, не уважая моих тру-

дов. Верно, вам охота прослыть старой девой, – безжалостно выговаривала Элиан. Но что толку сыпать соль на раны. Самый подходящий для Кейт жених всего несколько минут назад снова напомнил о себе и о том, какую глупость она совершила в свое время, отказавшись выйти за него замуж.

– Как вы любезны, Элиан, ведь я и забыла, что мне уже двадцать один и пора на покой. Однако наберитесь терпения, пока Иззи переболеет свинкой.

Ее подруга взмахнула изысканно расписанным веером, вещицей, которую ей подарил муж накануне отъезда, он на целую неделю оставил Элиан в Лондоне одну. Полный штат прислуги, Кейт и легион приятельниц, разумеется, не в счет.

– Сезон едва начался, если ваша сестра и задержится на пару недель, ей же лучше, дебют не пройдет незамеченным, и она будет иметь успех. Могу уверенно предсказать, что джентльмены высшего света незамедлительно объявят милую Изабеллу бриллиантом первой величины.

– Не сомневаюсь, – спокойно подтвердила Кейт, – но я не собираюсь очертя голову бросаться на первого попавшегося вам холостяка, пока это солнышко не успело меня затмить.

– Да, Кейт Элстоун, порой вам удастся меня разгневать, – колко выговорила Элиан. – Вы явно не желаете осознавать, что обладаете незаурядной внешностью, и ваша безмятежность на сей счет возбуждает лишние кривотолки. Вы могли бы с самого начала блистать на приеме в Сент-Джеймсе, если б сумели хоть раз придержать язык и улыбнуться, обаятельно и робко. Джентльмены опрометью бросились бы делать вам комплименты, чтобы сорвать ответную учтивую улыбку вместо язвительного пренебрежения к их трудам.

– Полагаю, ваша светлость, будучи дебютанткой, вы всегда держали язык за зубами и улыбались во весь рот, не жалея своих щечек?

– Отнюдь, – призналась Элиан, грустно улыбаясь.

Кейт стало любопытно, что могло таиться за печалью воспоминаний компаньонки, и она вздохнула чуть завистливо:

– Вы и сейчас не промах. – Она искренне и тепло улыбнулась своей подруге.

Элиан не выдержала и хохотнула, отвлекшись от своей затеи уговорить Кейт на замужество.

– Да уж, милая, сознаюсь, у меня не было особых внешних данных. Разве что любезный сэр Нед Рис, а затем мой благоверный Пемберли осмелились глянуть в мою сторону еще разок, ради спокойной компании, я не утомляла их болтовней и не принуждала, как те корыстные особы, что увивались за ними, словно стая стервятников.

– И вы всегда так скромно умалчивали о том.

– Любая женщина, сознательно пренебрегающая своими преимуществами, тем самым подвергает опасности и себя, и всякого мнительного мужчину, который имел несчастье положить на нее глаз, – заявила Элиан с величавым достоинством и значительно посмотрела на свою протеже, но Кейт предпочла не замечать намека.

– Иззи не удастся притвориться безразличной к своей внешности. Лощеные холостяки развернутся перед ней во весь фронт, превознося до небес все то, что она может без затей рассмотреть в своем зеркальце, – сказала она весело, поскольку никогда не завидовала своим красавицам сестрам. – Однако вряд ли Иззи станет улыбаться глупцам, караулящим каждый ее шаг, донимая комплиментами. А теперь отвечу на ваш довольно бестактный вопрос, леди Пемберли. Да, я должна выйти замуж, поскольку не желаю стать развлечением для скучающих мужей. Надеюсь, пока вы сватаете мне подходящего джентльмена, не удосужитесь подсунуть смазливому кретину моей младшей сестре, – сказала Кейт, нацеливаясь взглядом на одного самоуверенного кандидата, который некогда искал ее благосклонности, не сомневаясь, что возьмет неприступную крепость.

– Вы слишком долго держали достойных персон на расстоянии, милая Кейт.

– А я и не собиралась давать надежду каждому ничтожеству, – отозвалась Кейт. Она еще дома задумывалась о перспективе без толку просидеть в Лондоне четвертое лето подряд, поэтому планы ее теперь вполне определились.

Всю долгую зиму она размышляла, что с будущим мужем ее свяжут не только досадно неразумные и быстротечные так называемые любовные страсти, но и достаточно крепкие общие интересы и искренняя дружба. Разумеется, она теперь хладнокровная и даже скептически настроенная леди и вряд ли снова восплает страстью и будет сходить с ума по какому-то джентльмену. «Многие отцы благородных семейств только поаплодируют такому разумному решению», – страдальчески вздохнула она.

Ее собственное семейство, казалось, вовсе не желало понять, как утомительно являть собой девицу на выданье под прицельными взглядами публики и туманным взором очередного джентльмена. «Ужели тот самый шанс?» – свидетельствовали их взгляды, и Кейт замечала, как сентиментально кривится ее зять Кристофер Элстоун, граф Карнвуд. Она привыкла считать его трезвомыслящим циником, но он явно ожидал, что она последует его примеру и вступит в брак по любви.

Его брак с ее старшей сестрой Мирандой доказывал, что страстная любовь все же существует, да и бывшая ее гувернантка по уши влюбилась в лучшего друга и делового партнера Кита Бена Шоу. Бен и Шарлотта обожали друг друга, хотя и пикировались постоянно. А теперь и отец Бена с любезной Элиан Рис поддались любовному привороту и в итоге обвенчались. Да, доказательств более чем достаточно, и любовь – не миф. Однако это ненадежное чувство уже опалило ей крылья, и она не желала вновь приближаться к опасному пламени.

– Женщине, подыскивающей мужа-подкаблучника, следует сразу исключить такого кандидата, – рассеянно добавила она, а тот кретин приосанился, задержавшись подле нее – видно, надеялся, что она вспомнит его имя. Встреча с Шаттлвортом, похоже, лишила ее не только памяти, но и способности трезво мыслить. – Мне нужен добропорядочный и обходительный джентльмен, который будет любезным мужем, однако не станет возводить себя на пьедестал и донимать меня своей заумью.

– За эти три года мы охрипли, доказывая вам достоинства самых разных женихов, но что толку пустословить перед мраморной статуей. Если вы, Кэтрин Элстоун, не намерены влюбиться, так хотя бы выкиньте из головы мысли о такой нечестивой пародии на супружество. У вас не тот темперамент, чтобы довольствоваться деловым союзом, уже через месяц после свадьбы вы погубите себя с горя, – страстно зашептала Элиан Пемберли. Эта обретенная ярость стоила целых томов ее былых нравоучений. Она явно оскорбилась, поскольку никогда не позволяла себе прилюдно унижать достоинство своего супруга, что бы там ни мнила о себе на самом деле. – Да я просто не вынесу вашего уничижения и позора того мужа, которого вы делаете несчастным до скончания века. Как правило, мужчины заслуживают лучшего отношения со стороны жены, Кейт, пусть даже вам и кажется, что муж ничуть не страдает из-за вас.

– Нам, женщинам, свойственно думать, что в порядочном браке вполне достаточно дружеского расположения, – упрямо заявила Кейт. – А те джентльмены, которым я отказываю, верно, желают жениться на мне, поскольку продолжают умолять меня смириться и сказать «да».

– Именно поэтому те вертопрахи не годятся на роль вашего так называемого благоверного. Однако вы столь небрежно обращаетесь с кандидатами, что мне остается только пожелать им наконец образумиться и преподать вам пару уроков.

– Но я всегда чту этикет, – заметила Кейт обиженно.

– Ну да, если вдруг заскучаете в одиночестве или вам в эскорт понадобится представительный джентльмен, чтобы фланировать по зале, флиртовать и сплетничать. Это не этикет, а циничная эксплуатация.

Кейт из чувства справедливости вынуждена была устыдиться и признать, что принимала те ухаживания как должное. Лишь один из воздыхателей некогда почти умолил ее уступить и выйти за него замуж. Правда, она так гадко обошлась с Эдмундом Бортом, лордом Шаттлвортом, что он покинул Лондон еще до окончания ее первого сезона и с тех пор не снисходил до нее. Если б только Элиан пронюхала о той мрачной тайне, она неизбежно заставила бы несчастного призадуматься по поводу Кейт и тем невероятно смутила бы обоих.

Впрочем, по его виду никак не скажешь, что он несчастен, насколько она могла судить по собственному опыту. Он благороден, богат и невероятно умен, к тому же с характером. Три года назад его юношеская пылкость и беззаветная преданность так напугали Кейт, что она сорвалась на непозволительную грубость. Тогда она до умопомрачения страшилась нахлынувшей на нее страсти и не решилась сдаться на милость победителя, вручая ему свое сердце. Она знала, что старшая сестра однажды поплатилась: первый муж цинично растоптал ее доверчивое любящее сердце, а затем грубо и безжалостно оставил ее в самых ужасных обстоятельствах.

Самой Кейт уже двадцать один, и она до сих пор не замужем, пусть даже и по собственному желанию. Остается лишь досадовать на свои огненно-рыжие волосы, всю жизнь только стесняющие и нисколько не украшающие ее, пусть даже у нее огромные – фамильные – темно-синие глаза и хороший рост, зрительно добавляющий ей величавости. А в общем белая ворона – оценивала себя Кейт со стороны. Ей уютно в кругу родных и близких, они желают ей счастья, но заслуживает ли она той удачи, если в незапамятные времена грубо и безжалостно разбила сердце молодого человека?

Она наблюдала, как Шаттлворт ответил нетерпеливым кивком одной из заискивающих мамаш, и размышляла, где был ее разум три года назад. Если б она тогда разглядела истинного мужчину в импульсивном и страстном зеленом юнце, неужели позволила бы себе упрямиться, подобно Миранде, которая в свои семнадцать влюбилась в весьма непорядочного человека, не достойного даже целовать пыль под ее стопами? Если бы она не противилась тогда своим желаниям, слепо опасаясь повторить ошибку сестры, стал бы лорд Шаттлворт ее вечной любовью и идеальным мужем? Ей всего лишь надо было отважиться вымолвить «да» три года назад. В самом деле, разве не искренность его намерений задела ее за живое так, что все нынешние соискатели кажутся бесцветными, на одно лицо, и она ничуть не раскаивается, отказывая им?

Его милость явно справился со своей безрассудной страстью за время долгого отсутствия, если, пропустив всего два приема и вечер в театре, удосужился снова представиться ей спустя три года. Благородное воспитание не позволило ему игнорировать ее сегодня в компании Элиан. И хотя он равнодушно смотрел на нее, сердце ее частило под его взглядом. Она скрыла свое волнение, присев в реверансе в ответ на его элегантный поклон, и настроилась в дальнейшем быть безразличной при встречах с ним, мало ли что она чувствует.

– Вероятно, я сгложусь теперь в компаньонки добропорядочным холостякам, – рассеянно размышляла она вслух перед Элиан. – Надежная броня с обеих сторон. Они знают, что я всем отказываю, поэтому смогут прикинуться моими рыцарями и чувствовать себя в безопасности за моим щитом.

– Кейт, неужели вы действительно полагаете, что броня даст основание какому-нибудь достойному молодому человеку искренне предлагать вам свое сердце? Представляю, как он будет шокирован и напуган, если вы внезапно решитесь опустить свой щит. Хоронить свои надежды в ваши-то юные годы?... Настройтесь на поиски счастья хотя бы в том умозрительном браке, который вы заранее обрекаете на неудачу своим хладнокровием, – увещевала Элиан.

– Любовь не может вечно оглушать и ослеплять, как гром и молния, – парировала Кейт и внезапно смутилась, ей пришло на ум, что на меньшее зло в браке не согласится даже она. – Смею заметить, порой нам требуется время, чтобы примирить наши устремления с реальностью. Этим летом я надеюсь встретить мужчину, который завоюет мое уважение своей целью-

стью, благородством и чувством долга. Мама и папа заключили брак по расчету и тем не менее счастливы вместе, насколько я понимаю.

– Они выковали свое счастье из того, чем должны были удовольствоваться, милая девочка, поскольку у них хватило на то ума и характера. Не обоюдная страсть, но любовь к своим детям связала их и воспитала их взаимные чувства. А я знаю наверняка, ваша матушка всю жизнь любила того мужчину, которого ее семья отвергла.

– Боже, неужели в том вся ее вина? – выпалила Кейт. Теперь понятно, кто в ответе за страстное безрассудство, свойственное сестрам Элстоун. Но спохватилась – нельзя столь безжалостно бить себя по больному месту.

– Я так и знала! – воскликнула Элиан, и Кейт страдальчески поморщилась: компаньонка отвела свой орлиный взор от лорда Шаттлворта, тем и можно утешиться, зато теперь немилосердно заклюет ее. – Вы боитесь несчастно влюбиться в смазливую внешность и затем разочароваться в человеке, как и ваша сестра, так? – победно заключила леди Пемберли, словно генерал, разгромивший неприятеля.

Судя по всему, Кейт теперь вынуждена признать: любовь – необходимое условие для счастливого брака.

– Разумеется, нет, – пылко солгала она и, почувствовав, как зарделись щеки, мысленно прокляла свой нежно-белый и предательски огнеопасный, подобно большинству рыжеволосых, лик.

– Да, именно так, милая дева! Нечего лепетать мне про так называемое разумное супружество, если вы малодушно опасаетесь довериться своему сердцу. Имея хоть каплю разума, настройтесь за это лето отыскать человека, которого будете способны любить и уважать в браке до скончания века, пока не поздно. Если поспешите заключить пустопорожний союз, а затем повстречаете такого мужчину, обречете и его, и другого несчастного на жизнь в унижениях ревности, зложите свою душу в этой лукавой сделке!

– Не стоит драматизировать. У меня хладнокровия больше, чем у матушки и любой из моих сестер, – упорствовала Кейт, но Элиан, не отступая, скептически приподняла подведенные темные брови. – Меня угораздило уродиться рыжей, и теперь все почему-то полагают, что у меня буйный темперамент, но вы все ошибаетесь! – Пора бы родным и близким прекратить мыслить смешными стереотипами и позволить ей жить в ладу со своим характером.

– Если я знаю вас, Кэтрин Элстоун, – умную, красивую и порой досадно вспыльчивую девушку, – еще с пеленок, полагаю успела понять, что вы собой представляете на самом деле, – медленно проговорила Элиан, словно наконец-то нашла разгадку давно мучавшей ее головоломки.

– Если так, вам, верно, известно, что мне отнюдь не требуется окунаться в грандиозные страсти, ни к чему мазаться белилами и вызывать к себе интерес, словно я истосковалась по мужчине, который пройдет мимо и даже не глянет на меня дважды, – сбивчиво оправдывалась Кейт.

– Полагаю, мы могли бы подыскать джентльмена, так же чахнувшего в мечтах отыскать свою женщину и, возможно, просто обескураженного сиянием вашей молодости и красоты, живым умом. Думаю, обыщи мы хоть все королевство, мало найдется мужчин, которые осмелятся пройти мимо даже не взглянув на вас, поверьте мне, – улыбнулась Элиан с видом знатока. – Да будет вам известно, Кейт, любовь не убивает. Мне дважды выпало испытать поистине чудесное чувство, пусть даже я и старовата, чтобы иметь притязание на беднягу Пемберли.

– Чепуха, ему повезло с вами, и он прекрасно знает о своей удаче, – воодушевилась Кейт. – В том-то и дело, Элиан, я не сомневаюсь, что можно кого-то любить, однако невыносимо думать, будто мое счастье зависит от чувств другого человека.

– Смешно так рассуждать, Кейт. Копните немного глубже. В том-то и дело, что мы теряем это чувство, как только пытаемся логически осмысливать наши поступки.

– Понимаю, но никак не могу перебороть себя, хотя вокруг много примеров счастливого брака по любви, – покачалась она перед Элиан.

– Я виню себя, – мрачно ответила та. – Мне следовало настоять и немедленно забрать вас из-под опеки дедушки, когда ваша сестра Миранда однажды утром постучалась в мою дверь. Она смотрела так жалобно, так горестно, что я поняла: он не в состоянии должным образом присмотреть даже за парой котят, что уж говорить о трех ранимых девочках.

– Не принимайте ту печаль близко к сердцу, в этом нет вашей вины. Да и каким образом вы могли забрать нас из Вичвуда – разве что похитить? К тому же наше исчезновение рано или поздно обнаружилось бы, разразился скандал, и тетушка непременно вернула бы нас и приструнила. Не вините себя за наше детство, милая Элиан. Если бы не вы, нас так и не отправили бы в школу, мы не познакомились бы с Шарлоттой Уэллс. Даже представить трудно, что бы мы все делали без нее тогда.

– Ну да, верно, Шарлотта – девушка мечты и жена моего названного сына... Правда, Бен не одобряет, когда я так его называю, он давно уже стоит на собственных ногах и вряд ли нуждается в опеке, пусть даже и мачехи. Но знаете, Кейт, Шарлотта никак не могла заменить вам семью. У вас, голубушка, громадный запас нерастраченной любви, и жаль, если богатство вашей души пропадет втуне или останется невостребованным в пресном бесплодном браке. Не сомневайтесь, вам воздастся сторицей, если только вы решитесь поверить, что способны влюбиться и любить.

Даже если бы сестры Элстоун уродились простолюдинками, трижды кривыми и косыми, маркиза Пемберли все равно восхищалась бы ими, уверенная в том, что каждая из них заслуживает достойнейшего джентльмена, покаянно думала Кейт, подавив свое раздражение. Как им повезло, что она всегда была рядом! Элиан все-таки заблуждается в отношении ее, и если Кейт на роду не написано умереть старой девой, надо подыскать уважаемого человека, чтобы родить от него желанных детей. Какой смысл сожалеть о том, что она могла бы обрести взамен?

Глава 2

Итак, судя по всему, все ее мосты к Эдмунду, виконту Шаттлворту, сожжены, и придется подыскивать иного кандидата в мужья. «Это к лучшему», – уверяла себя Кейт. Она всегда держала в узде склонность к любви и мелодраме, чтобы они не завели ее в лабиринт ревности и ярости, где так легко заблудиться среди душераздирающих желаний и непоправимо потерять голову.

– Составлю список, выберу самого подходящего для себя жениха, найду способ убедить в том джентльмена, – рассуждала она, отводя глаза под взглядом Элиан. Ее план, высказанный вслух, обернулся теоремой, блеклой и сухой.

– К чему ждать? – сардонически подсказала Элиан, явно потеряв терпение в споре с этой упрямницей. – Если вы решительно настроились пойти против своей натуры, – да поможет Бог тому бедняге, которого вы выберете на заклятие, – почему бы не приступить к поискам прямо сейчас? Сегодня вечером вам представится идеальная возможность, ибо большинство дебютанток пока не нагрязнули, а те, кто приехал, еще слишком запуганы и провинциальны, чтобы состязаться с вами. Так что поле пока за вами, голубушка, если, конечно, не принимать в расчет засидевшихся девиц, жаждущих поймать пристойного жениха.

– Мне всего двадцать один, – вяло напомнила Кейт.

Элиан легко взмахнула своим изящным веером:

– Да уж, не блистающая юностью дебютантка, но и не одиозная дева, которая вот-вот окажется на смертном одре. Однако как жалостливо будут взирать на вас трепетные девочки, едва слетевшие со школьной скамьи, – продолжала она жестко, надеясь спровоцировать Кейт на яростный спор и тем самым доказать, что та не столь равнодушна, как желает казаться. – Бурное начало, а затем – кто бы мог подумать! – три безрезультатных года. Остается только заключать пари: то ли вы держите фигу в кармане и вознеслись до небес, то ли джентльмены перестали вас помогать.

– Тогда зачем, интересно, они до сих пор осаждают меня? – рассеянно оправдывалась Кейт, снова скосив глаза на лорда Шаттлворта, который, похоже, почувствовал ее упорный интерес, поскольку решил позволить рассмотреть себя поближе.

– Потому что им свойственно соблазняться свободой, – ответила леди Пемберли, чуточку серьезнее, чем хотелось бы Кейт, – и я не желаю, чтобы вы стали мишенью для светских жуиров, милая. Уж лучше было принять тогда Шаттлворта, чем вращаться в этом вихре удовольствий и довести себя до несчастья. Брак с ним держал бы этих хищников на расстоянии, по крайней мере до тех пор, пока вы не одарили бы его парой наследников. Да, он не стал бы благодушно закрывать на то глаза, – закончила она свою речь, предупредительно кивнув в сторону притягательного для их взоров мужественного силуэта.

– Прошу вас, любезная Элиан, не надо вить из меня кельтские узлы² и ожидать, что я озолочу чью-то руку.

Кейт следила за лордом, пробивающимся к ним сквозь толпу. Мелькнула мысль: неужели его чувства к ней не так остыли, как он пытается показать? Если так, его притворство доказывает смехотворность тех представлений о любви, которыми приятельница только что пичкала ее.

– Куда мне, красавица моя, – смиренно ответствовала леди Пемберли. Кейт раздраженно стрельнула в нее печальными глазами и продолжила исподтишка наблюдать за Шаттлвортом.

² Кельтские узлы – искусные петли без конца и начала, каждый из множества узлов имел свой смысл и олицетворял нечто важное. Существует мнение, что такие узлы использовались в черной магии. Кроме того, из качественного и чистого кельтского (валлийского) золота традиционно отливались обручальные кольца для свадебных церемоний королевской семьи.

Если он все еще не прочь пасть к ее ногам и умолять выйти за него замуж, что ж, они могут обвенчаться к концу сезона, после чего никто не посмеет читать ей морали о любви и браке. Правда, повзрослевший и ожесточившийся Эдмунд Борт вряд ли предпочтет их нежный союз, скрепленный взаимными интересами и учтивой дружбой, обжигающе яркой любви, которую некогда обещал. Действительно, трудно представить, чтобы их семейная жизнь протекала столь умеренно, но может ли она предложить ему нечто более экзотическое?

– Лорд Шаттлворт, – приветствовала она и, как ни странно, огорчилась, когда он изобразил равнодушие на лице.

Она смущенно улыбнулась, надеясь восстановить обоюдно уважительные отношения. Больше, вероятно, уже невозможно. Он осторожно покосился на нее, словно опасался, что эта подскокившая с места сумасшедшая внезапно отобьет перед ним чечетку и опозорит перед всей ассамблеей.

– Наш танец, милорд? – неловко спросила она, внутренне застонав от собственной оплошности. Да, она явно не способна поощрять джентльменов, хотя для того надо всего лишь добавить немного светского лоска.

– Если бы следующий танец оказался тем вальсом, я восторгался бы этим вечером. – Он непростительно озорно блеснул глазами и услужливо ткнул в ее балльную карточку. Ее кадрили уже обещана другому джентльмену. А лорд Шаттлворт, должно быть, просто шел мимо, она сама вынудила его остановиться и остудить ее заискивания. Какое крушение!

Не было смысла в неловких извинениях, поэтому она просто изобразила вялую улыбку и осталась стоять, молча и потерянно. Жаль, ей с ходу не придумать, как согнать с его лица эту игривую гримасу. Не сказать, что он глумится над ней, но нестерпимо видеть равнодушие мужчины, который некогда был ее преданным рыцарем. Нет, она не ожидала, что он расцелует ее, ну разве что чуточку, а если и ожидала, так просто из капризного любопытства. Он теперь такой внушительный мужчина, выше всех ее мечтаний. Вот будет стыд, если он успел охладеть к ней, в то время как она, наоборот, заострила на нем свое внимание. Ее слегка замутило от панических предчувствий. И с чего вдруг пришла в голову эта идея? Почему захотелось, чтобы этот снежный истукан бросился целовать ее? Верно, она потихоньку сходит с ума, воображая, что эти поцелуи одарят ее чем-то иным, кроме смятения и отвращения. Да, так и будет, как только он прикоснется к ней, а затем они испытают взаимную неловкость, и отчуждение лишь усилятся.

Если бы не пришлось оставить его развлекаться в компании леди Пемберли и видеть, что он явно наслаждается их беседой, Кейт могла бы полностью отдаться танцу. Партнер ее преотлично выделял па, вопреки цинично-усталому виду – видимо, он полагал, что такая манера достойно характеризует его. Кейт, напротив, то и дело сбивалась с такта, высматривая Элиан и лорда Шаттлворта, которые оживленно болтали, и заранее ужасалась, предполагая, о чем могла поведать его милости эта непредсказуемая леди.

– Послушайте, мисс Элстоун, – зашептал ей партнер, потеряв наконец терпение, – или танцуйте, или притворитесь, что вам дурно от духоты, чтобы мы могли разойтись и закончить танец без скандала.

– Прошу прощения, сэр, должно быть, за зиму я немного отвыкла от городского шума и блеска, но постараюсь успевать, – пробормотала она.

– Постарайтесь, поскольку джентльмен чувствует себя не в своей тарелке во время танца с леди, чье внимание явно приковано к иному мужчине, – высказался ее партнер откровенно, а Кейт очень удивилась, поскольку всегда считала его лишь претенциозным напыщенным денди.

Кейт с завидным прилежанием переставляла ноги в такт музыке, дожидаясь окончания танца, и размышляла, удалось ли ей доподлинно понять искания каждого из джентльменов, привычно добивавшихся ее внимания на балах и приемах лондонского сезона. До сего вечера

она привычно льстила себе тем, что в меру разумна и хорошо образованна для женщины, к тому же достаточно богата, чтобы быть независимой, в общем, ее трудно провести. Какие же надежды она лелеет, тщаь отыскать себе идеального мужа, если явно заблуждается по поводу своих качеств?

– Благодарю, мисс Элстоун, – поклонился партнер, когда музыка смолкла. – У вас талант обесценивать притязания джентльмена, – прибавил он тихо и безмятежно. – Отныне не буду доносить вас таковыми.

– Понятия не имею о вашей мере талантов, сэр, – вяло возразила Кейт, ее не оставляло чувство, что сегодня вечером все словно сговорилось против нее.

Может, она и вправду грезит наяву, наговаривая на себя, и все не так уж плохо? К несчастью, нет. Ее партнер между тем продолжал ей выговаривать с видом разочарованного циника, и можно было только удивляться, как она позволяет ему так смотреть на себя?

– Это не ваша вина, мисс Элстоун. Мне следовало прислушаться к намекам знатоков. Тогда я, несомненно, не строил бы иллюзий.

Они подошли к канапе, которое оккупировала леди Пемберли, разочарованный джентльмен откланялся и направился к приятелям за карточными столами. Ясное дело, он им подтвердит, что мисс Элстоун – бесстыдная кокетка, ей не хватает воспитанности сосредоточиться на джентльмене, удостоившем ее своим вниманием, и она строит глазки следующему партнеру. Потрясенная Кейт чувствовала, как кружится голова и путаются мысли. Странно, но не далее как сегодня утром она представляла себя весьма приятной почти во всех отношениях особой.

– Вот теперь наш танец, не правда ли, мисс Элстоун? – учтиво уведомил виновник ее растерянности, поднимаясь с дивана ей навстречу с такой неохотой, словно жертвенно прерывал живую беседу с Элиан ради отбывания скучных обязательных экзерсисов.

«Как же угораздило этого треклятого мужчину так заблуждаться в своем отчаянном желании жениться на мне, если он уже явно не прельщен перспективой провести со мной эти полчаса?» – мысленно спрашивала себя Кейт, входя в танцевальный круг. Явно предстоящий вальс ему не в удовольствие.

– Так зачем же вы просили меня? – невольно высказалась она вслух и сама испугалась своего голоса. Эдмунд же, шокированный ее вопросом, наконец-таки взгляделся в ее лицо. Его рука скользнула вдоль ее талии, и морозная дрожь окатила спину.

Кейт замерла на мгновение, зачарованно вглядываясь в его глаза, их лучистое тепло растопило скованность и отчужденность, ее тело бездумно и вдохновенно ответило на знакомый призыв, и, как прежде, они слаженно заскользили в интимном парном танце. Так хотелось прильнуть к нему, чтобы весь вечер он кружил ее в своих объятиях. Вместо этого она, как и он, выписывала изошренные па. Шаттлворт отлично танцевал вальс, и грешно было не воспользоваться возможностью поразмяться, кроме того, оба могли спокойно поразмыслить о тех переменах, которые произошли с ними за минувших три года. Его, в частности, особенно занимал ее вопрос. Как вообще получилось, что она высказала эту глупость вслух?

– Вероятно, затем, что вы великолепно танцуете, – наконец решился он, предпочтя не вдаваться в подробности, и чуть насмешливо улыбнулся, ловко предоставив ей возможность самой докапываться до истины, так что ее сердце на мгновение запнулось.

Не потому ли, что некогда он предпочитал ее всем остальным женщинам? Или ему хотелось вальсировать на каждом балу только с ней? Или он скучал по ней все эти долгие утомительные лета и зимы, с тех пор, как они последний раз танцевали вместе, тесно и слаженно, и по иронии судьбы так же тоскует и сейчас, когда их отношения радикально изменились?

– Благодарю, милорд, – чинно ответила она, чуть смутившись. – К счастью, могу вернуть ваш комплимент, нисколько не рискуя польстить вам. Известно, что лорд Шаттлворт всегда был одним из превосходнейших танцоров, к радости высшего света.

– Разве теперь не его очередь радоваться? – Он не смутился, но его сардоническая ремарка только поощрила ее отдаться танцу со всей энергией, чтобы перехватило дыхание и не было возможности задавать вопросы с подвохом.

– Именно, – выдохнула она и решила повременить с дальнейшим разговором.

Гордо подняв голову, Эдмунд легко вел Кейт в танце. Она раскраснелась, когда Шаттлворт чуть крепче прижал ее, чтобы обойти пятно свечного воска, пролившегося на отполированный до блеска пол. Кейт пришлось напомнить себе, что она ищет учтивого и снисходительного мужа, а не распущенного и, верно, требовательного любовника – Шаттлворт никак не претендует на любую из этих добродетелей. Но непослушное тело, вопреки логике, продолжало смущать ее разум. Кейт прилежно игнорировала свои не совсем благородные инстинкты и презрительное молчание Шаттлворта и улыбалась, словно именно от этого зависела вся ее жизнь.

«Эдмунд Джордж Фрэнсис Сент-Эрит-Стэндон-Ворт, не теряйте головы», – мысленно приказывал себе джентльмен, придерживая в танце обольстительно прелестную мисс Кэтрин Элстоун. При этом он старался не раздевать ее взглядом, воображая, как она пылает от страсти, танцуя с ним под задухивную мелодию, разумеется, в более интимной обстановке, вне обозрения сливок общества.

Какое же наказание сулила медноволосая Немезида,³ неотступно следившая за ним, словно впервые увидела в танцующей и говорящей марионетке нечто заманчивое? «Возможно, ради интереса решила приманить поближе гипнотической силой своего пристального взгляда», – размышлял он с нарочито равнодушным выражением лица, словно танцевал ради соблюдения этикета. Однако его своевольная плоть знала: он одержим ею все три года, с тех пор, как впервые заметил. К несчастью, ей тоже известно это, и поэтому, как он ни пытался, ему не удавалось полностью расслабиться и просто наслаждаться танцем с превосходной, элегантной и, очевидно, безразличной к нему партнершей.

Три года назад он был глупым мальчишкой, не умеющим скрывать свои страсти.

Когда она отмахнулась от него, точно от назойливой мухи или докучливого щенка, он велел себе забыть то дурацкое наваждение, как преходящую юношескую прихоть. После чего запретил себе даже мечтать о ней, это стоило многих болезненных усилий. В один прекрасный день он с улыбкой будет вспоминать свою доверчивую молодость. Теперь же он здесь, чтобы подыскать женщину, с которой сможет заключить брак и жить до скончания дней, и эта женщина не Кэтрин Элстоун.

Нынешней весной, отправляясь из обширного поместья в Херефордшире в свою потрясающую лондонскую резиденцию на Гросвенор-сквер, он загадал, что непременно присмотрит себе спокойную, послушную особу, которая станет его виконтессой. А жениться на слишком умной и бойкой красавице, которой он некогда безуспешно предлагал свое сердце, только накликать несчастья на их головы. Он жизнерадостно внушал себе, что должен на коленях благодарить Кейт за то, что она отказывала ему раз за разом.

Те планы казались вполне разумными, когда он пребывал в усадьбе Крейвен-Хилл, однако мисс Элстоун все же отказалась погостить у него летом и с милой усмешкой дала ему понять, что они слишком молоды и вряд ли подойдут друг другу.

«Откуда ей знать?» – спрашивал он себя, мучаясь желанием как следует встряхнуть эту субтильную, бесконечно желанную противную особу так, чтобы ее белые зубки застучали. Однако теперь они оба на три года взрослее и, предположительно, мудрее.

Он неловко повел плечами, чтобы избежать тесного контакта с ней и не воспламениться, и увидел удивление, мелькнувшее в ее синих-пресиних глазах, когда она подняла на него

³ Немезида – в древнегреческой мифологии богиня мщения.

вопросительный взгляд. Сделал вид, что понуждает ее кружиться, обгоняя замешкавшуюся пару, между тем какстая демонов грызла его изнутри: близость ее тела, грациозно изгибающегося в ритме танца, почему-то напоминала страждущему, что он наконец-то держит в объятиях эту женщину, теплую, желанную, вполне реальную.

«Нет», – свирепо приказал себе Эдмунд и дернулся, словно на дыбе, когда его тело инстинктивно ответило на ее колдовское движение. Он давно выбросил Кейт Элстоун из головы и из сердца и никогда больше не будет терзаться из-за нее бессонными ночами, тосковать о близости в постели, за столом, да везде и всегда. Он пытался обмануть свое отчаяние и завел интрижку с женщиной легкого поведения, несколько внешне похожей на нее. Но те амурсы не принесли удовлетворения и не избавили от фантазий о Кейт в его постели. Теплой и бесстыдной, с безупречно-шелковистой кожей, своевольно-упрямой и уступающей наконец его желаниям. Нет, он уже не будет грезить, как тот одурманенный телок, в какого превратился тогда по ее милости.

Как только Эдмунд уяснил разницу между пылкими фантазиями и холодной реальностью, он вернулся к своим поместьям и в утешение съездил в Бат, повидать пожилую тетюшку. В один прекрасный день заставил себя обрести полный самоконтроль и смог признаться, что отныне равнодушен к Кейт Элстоун. Именно в том фешенебельном и спокойном курортном городке, чьи воды популярны среди возрастной публики, он повстречал Терезу, любвеобильную и прелестную вдовушку на десять лет старше его. Она затащила его к себе в постель и научила, что в мире, кроме Кейт, существуют и другие женщины, хотя его сердце никак не желало тогда в это поверить. А когда он было поверил в обоюдное удовлетворение их союзом, Тереза снова решила выйти замуж. Избранник был на десять лет старше ее, и она, отказавшись стать виконтессой Шаттлворт, обвенчалась с ним.

– Вы слишком молоды, любимый, слишком идеалистичны и непримиримы, чтобы обрести счастье в таком приторном супружестве, – сказала она на их последнем свидании. – Да, нам было хорошо вместе, но пора расставаться. Я выхожу замуж за полковника и намереваюсь быть ему примерной женой, я не та женщина, о которой вы грезите и имя которой выкрикиваете во сне. Или убедите ее обвенчаться с вами, милый Эдмунд, или вырвите из сердца, прежде чем вступите в брачные отношения с некой бедняжкой.

Он, разумеется, горячо опровергал все доводы. Уверял, что, если она обвенчается с ним, возможная семья всегда будет для него на первом месте. Но Тереза оборвала его косноязычное предложение, сказав, что не следует обещать того, чем не владеешь. Он долго не решался уйти, пока она, грустно улыбнувшись, не оставила его ради хорошо сохранившегося отставного полковника, красавца и богача. Они уехали в тридевятое графство, и это оказалось к лучшему для всех троих. Тереза была прекрасной женщиной, живой, остроумной, сердечной, и теперь она благополучно устроилась с человеком, который обожал ее. Эдмунду она нравилась, он восхищался ею, но не боготворил. Предметом его восхищения оставалась рыжеволосая красавица, которая однажды едва не свела его с ума, ввергнув в опрометчивую юношескую страсть.

Итак, в этом году он выехал из поместья Крейвен-Хилл в Лондон искать себе жену, улыбки которой, предназначенные иным мужчинам, не ставили бы его всякий раз на грань помешательства. Он вернется вместе с ней к тихой размеренной жизни и проведет ее не без пользы. Порой он позволит себе покутить в Лондоне в компании старых друзей. Жаль, однако, что его заранее пробирает смертельная скука.

Впрочем, какая же это скука? Всего лишь размеренная жизнь. Ему хочется покоя и уюта в своем мирке, детишек, не только ради обретения наследников титула и поместий. Он сам, одинокий и благородный, сиротствует с тех пор, как научился ходить. Ему необходимо здравомыслие и порядок, ощущение, что жизнь проходит не зря. И безумные страсти ни при чем,

равно как и разочарования и приступы гнева, которые Кейт Элстоун сулит своему многострадальному мужу. Которого она допустит до своей постели, но не до сердца.

Теперь достаточно легко оценить свою безнадежную страсть к Кейт, положив на другую чашу весов милую нежную леди Шаттлворт, которая нарождает ему сыновей и дочек и будет любить каждого так же пылко, как и обожать его. Да, тогда можно будет сказать, что он излечился. Хотя... все эти образы пока настолько безлики и туманны, что он снова не в духе и гневается на Кейт и на себя самого.

Он проклинал женщину, которая сейчас смотрит на него так, словно ей милее он нынешний, повзрослевший мужчина, но никак не тот глупый юнец. Вряд ли она понимает, какие муки сулят ее пухлые губки и округлые формы такому окаянному дураку, как он.

«Она не та, кем кажется», – мысленно повторил он, терпеливо снося прикосновения восхитительных форм к своим напрягшимся мускулам, кружа ее в последнем туре и молясь, чтобы эта пытка поскорее закончилась. «Она – та, кем кажется, и более того», – уколол его чувствительные ноздри мимолетный аромат розовой отдушки на ее коже, и нежно скользящий шелк, согретый женским теплом, ожег уверенные пальцы даже сквозь вечерние лайковые перчатки. Словно все его чувства настроились только на нее. «Но она не для тебя, она не вписывается в твою домашнюю идиллию. Не *желает* любить тебя», – сверлило у него в голове. Он очень обрадовался, когда музыка наконец смолкла и он смог опустить руку. Неуважительно поспешно, отметил бы сторонний наблюдатель, не проникший в его мысли.

Он теперь на три года старше и циничнее, закален жизнью, она же на три года прелестнее, чем в те восторженные восемнадцать. Та дебютантка выглядела неоперившимся птенцом по сравнению с этим роскошным созданием. Он заставил себя припомнить, что за ней, помимо того, числились гордыня и черствость, и отступил от бездушной сирены.

«На самом деле ничего не изменилось», – скорбно заключил Эдмунд, поймал всплеск потаенной ярости в индиговом взгляде и увидел, как ее рот сжался в тонкую линию. Затем Кейт на мгновение приоткрыла губы, тем самым послав ему предупреждение: дескать, пытки еще не закончились. Но он и сам знал о том, измученная плоть явно реагировала на ее близость. Ему отчаянно захотелось поцеловать эти розовые пухлые недовольные губы, пришлось сделать вид, что надо срочно прочистить горло и он никак не может предложить ей руку.

Да, лучше таким способом отсрочить свою казнь, чем коснуться этой горячительной «рюмки», и под хихиканье завидующих сплетниц отставить ее в сторону ради более солидной компании. Даже если бы он и хотел отомстить за свои бессонные ночи и бесцельные дни, такое выше его сил. Ей же невдомек, решил он. Она и понятия не имеет о муках, на которые обрекла мужчину. Пора бы ей выйти замуж за какого-нибудь несчастного идиота, пусть потом он спасает ее от собственной глупости и предоставит Эдмунду возможность отыскать свою нежную, словно облако, виконтессу. Жизнь сразу станет легче. «Чем скорее, тем лучше», – заклинал он себя до тех пор, пока не уверился, что достаточно остыл и теперь можно предложить руку мисс Элстоун и проводить ее в залу на ужин.

Надо же ему, дураку, было догадаться проставить в ее бальной карточке свои инициалы против последнего танца перед ужином, только чтобы убедиться в собственном равнодушии к ней. Да, глубоко засела в нем та заноза, однако до конца сезона достаточно времени, и он успеет излечиться. Скоро пожалуйт легионы дебютанток, верно, вполне миловидных и падких на лесть, можно будет окончательно изгнать Кейт Элстоун из своих мыслей. Он нахмурился, поскольку внутренний голос услужливо подсказал, что слухи о сказочном бриллианте первой величины давно уже достигли бы его ушей, и в самом деле существуй тот вне красочных иллюстраций модного романа.

Такая невероятно идеальная девушка произвела бы фурор, вздумай она лишь появиться в столице, но инстинкт мрачно предостерегал, что предпочтительнее жить с женщиной, а не с изящной феей. «Нет, – упрямоствовал он, – типаж давно определен. Хорошенькая и угодливая

жена». Ему удалось не отдернуть руку, пока Кейт робко просовывала ладонь под его согнутый локоть, словно боялась, что он укусит ее, вздумай она отвести свой строгий взгляд.

В Эдмунде внезапно пробудилось веселье, и он настроился на игривый лад, отвлекаясь от головоломки, как смутить прелестную мисс Элстоун и отыскать истинный источник своего замешательства. «Да, надо бы проучить рыжую бестию, – вынашивал он коварный план. – Никакой жестокости, но, Небо свидетель, кто-то должен преподать ей урок, пусть поймет, что она живет на грешной земле, не витает в небесах, и прислуживают ей вовсе не ангелы».

Глава 3

– Как живется в Вичвуде, мисс Элстоун? – спросил он таким тоном, словно ему даже спрашивать скучно, а дожидаться ответа и вовсе неинтересно.

Между тем он с симпатией относился к графу Карнвуду и его эффектной жене. Сразу пришло на ум, что если бы Кейт Элстоун не только внешностью, но и характером пошла в сестру, фурию и красавицу, он не смог бы оторваться от нее и согласиться на менее оригинальную жену. Спасибо, нет в ней экстраординарности старшей сестры. Однако высказаться вслух не хватило смелости даже у него, битого жизнью.

– У них все прекрасно, – сдержанно отвечала Кейт, словно поняла, о чем он думает. Ему пришлось заглянуть в ее интригующие глаза, чтобы удостовериться в своей ошибке.

«Нет!» – приструнил он себя. Не стоит гадать о причинах тоски и неудовольствия, мелькнувших в ее взгляде, допытываться, почему приоткрылись лепестки ее грозových уст. «Это иллюзия, – внушал он себе. – Возможно, она мечтает найти в своем браке хоть каплю той страстной взаимной любви, что выпала на долю ее сестры, однако ей вовсе не хочется повторить тернистый путь Миранды Элстоун». Он сам целое лето терпел ее холодность и теперь может судить, что бессердечной Кейт нечего терять. Пусть сегодня пожалеет себя и поймет, что окончательно сошла с пьедестала, и он спокойно отправится искать себе иную богиню.

– Сестра скоро одарит лорда Карнвуда еще одним залогом его нежной любви, – пояснила она чуть дрогнувшим голосом. Эдмунд поморщился, могла бы и научиться скрывать свои чувства.

Любому другому собеседнику ее тон мог показаться печально-ироничным, с намеком на то, что сестра и зять крепко любят друг друга и всякому разумному человеку невыносимо пребывать в их компании. Ему ли не понимать – она никогда не опускалась до желчной зависти, ведь он изучал ее настроения и интересы достаточно долго. Печаль в том, что она, похоже, мечтает вынашивать детей и готова, в конце концов, взять его в мужья, в то время как он сам уже понял, сколь невыносимо взять в жены ту, которую некогда мечтал обожать вечно, пока она не вернула его с небес на землю. Не сострадать же ей, если она полагает, что может любить своих детей, но не мужа, который мог бы стать ее страстью. Нет, Карнвуд и его графиня – исключение в своем роде, о котором нечего и мечтать. Кейт – не его суженая.

– Что ж, – беспечно отозвался он, – ваш зять заждался наследника.

– Кит рад всякому подарку моей сестры, милорд. Даже самые циничные недоброжелатели никогда не отрицали это.

Она явно обиделась на него, впрочем, он этого и хотел. Мелькнувшая в ее глазах боль и чуть заметно дрогнувшие ресницы тронули его сердце. «Тем лучше», – встряхнулся он и приветливо улыбнулся некой мисс Трэнсом, с которой познакомился ранее, и ее простоватому кавалеру. Если постараться, можно составить им компанию и разбить все предположения наблюдателей о его желании сидеть за ужином рядом с красавицей, приклеившейся к его руке. Возможно, многие даже и не вспомнят затем, что он некогда сходил по ней с ума и был разочарован в своих надеждах.

– О, любезная мисс Элстоун, – обрушилась на них речистая мисс Трэнсом, и Эдмунд уже почти сожалел, что привлек ее внимание. – Как же отлично вы танцуете в паре! Вы просто разбили нас наголову, правда, мистер Кроумер?

– Да, конечно, – отвечал затюканный Кроумер так, словно у него пересохло в горле, пока он весь вечер односложно вторил ее разглагольствованиям. – Ужин для леди, а вы, Шаттлворт? – отважился он спросить.

– С удовольствием составлю вам компанию, – откликнулся Эдмунд на завуалированное предложение своего бывшего однокашника, и они отошли запастись напитками. Их обильный выбор вселял надежды утихомирить даже мисс Трэнсом и насладиться недолгой идиллией.

Эдмунд решил, что и он, и молчаливый старина Кроумер опрометчиво залетели на эту вечеринку с танцами – видно же, это всего лишь бенефис в честь засидевшихся девиц на выда-ние в преддверии появления свежих дебютанток. Верно, последний шанс перезревших невест привлечь к себе внимание потенциальных женихов, пока сезон охоты на них официально не открыт. Любому здравомыслящему холостяку достаточно бросить взгляд на хозяйку вечера и на ее старшую дочь в преклонных девичьих годах, чтобы поспешно распрощаться и улизнуть в клуб до следующего дня. Ему-то, разумеется, есть резон посещать все мероприятия, где можно присмотреть себе потенциальную виконтессу, но за каким чертом приперся Кроумер?

– Моя тетка, – сумрачно пояснил Кроумер, и Эдмунд настолько изумился, что тот поспешно добавил: – Леди Финчли – моя тетка.

– Тогда понятно, – вздохнул он.

– Идиотизм – это диагноз, – заметил Кроумер, когда они возвращались со своей добычей. – А ледышка Элстоун – красавица.

– Н-да, но стоит ли ради нее мерзнуть, а? – Эдмунд оборвал свои раздумья вслух, наблюдая, как она величаво кивает знакомой.

– Отец хочет меня женить. Амелия Трэнсом в моем вкусе, одна загвоздка – она неизлечимо болтлива. Хотя весьма уравновешенна, в сравнении с кузиной Финчли, – рискнул Кроумер подпустить лирики.

Эдмунд обозрел гостиную и отыскал взглядом мисс Финчли, сидевшую за шатким столиком на пару с вялым вдовцом лет сорока пяти. Вид его не внушал энтузиазма, оставалось только соболезновать. Мисс Трэнсом открыта и дружелюбна, однако даже самый закаленный боец должен смутиться, представив, как будут вибрировать его уши за завтраком каждый божий день, до скончания века. Ни одна особа здесь не вписывалась в образ его будущей жены, поэтому он снова обратил внимание на Кейт Элстоун, малодушно радуясь, что не принужден, как Кроумер, и может похвастаться, что сам пригласил на ужин гордую красавицу, но она не настолько привлекает его, чтобы тащить ее под венец.

– О, как прелестно и замечательно, – фонтанировала мисс Трэнсом перед полным парадом блюд на столике.

– Вполне, – откликнулась Кейт без особого энтузиазма. Эдмунд подозревал, что мисс Трэнсом успела уболтать ее до головной боли, и опасался, что теперь ему придется отдуваться за всех, беседуя с этой трещоткой.

Кейт вяло клевала свой ужин, несмотря на то что леди Финчли, бедняжка, задействовала и все лады своего фирменного флота в надежде затратить мужа для дочери и наняла отличного повара. Честно говоря, та боль, что ныла в висках и под заколками, впившимися в голову, не имела никакого отношения к лепету мисс Трэнсом, а винить в том следовало лорда Шаттлворта. «Негодяй», – решила она, украдкой следя за ним скучающим взглядом. Некогда он мог бы пасть к ее изящно обутым ногам, если бы она подала к тому хоть малейший повод, но теперь, когда она закована в броню ради поисков мужа, этот обманщик определенно не будет помогать ей.

Кейт надеялась, что у нее хватит гордости не вводить себя в заблуждение и не стремиться объяснять его сегодняшнее равнодушие к ней внезапной головной болью или хандрой. Нет смысла придумывать для него извинительные причины и радостно предвкушать, что завтра все будет иначе, – он слишком далек и рассеян. Она готова теперь стать женой и матерью, он более не желает ее, потому и голова раскалывается. Какое разочарование!

«Но теперь все в прошлом», – повинилась она, признавая, что всегда втайне упивалась его назойливыми ухаживаниями, уверенная в его вечном нахождении у ее ног, пусть даже

обладать ею ему не суждено. Но разве грешно наслаждаться знанием о существовании на земле человека, которому желанна именно она и никакая другая женщина? Нет, нельзя питать такие надежды, иначе она навеки обречена копаться в своих чувствах и тем самым досаждать другим. Почему теперь, когда его желание иссякло, она чувствует себя так, будто ее лишили лакомства, от которого она дотоле жеманно отказывалась?

В общем, нечего теперь удивляться, что нажила себе верную головную боль и глупо разобиделась на Эдмунда Борта: видите ли, он более не намерен расстилаться перед досточтимой Кэтрин Элстоун. Если нет шанса дожидаться его предложения, нечего и принимать его ухаживания. Он желает любить свою жену, а она вовсе не жаждет любить своего мужа. Затем, тяжело вздохнув, она призналась себе, что могла бы принять его и на таких условиях, если бы он сам определенно не дал понять, что его предложение потеряло силу.

Кейт под нескончаемую трескотню мисс Трэнсом исподтишка постреливала глазами по столовой зале: нет ли где иных холостяков, раз уж первый в ее списке уже недостижим. Но никто из присутствующих не внушал желания разделить с ним интимную близость ради продолжения рода. Даже представить такое было кошмарно. Разумеется, это не последний вечер сезона, будут еще балы и рауты, ожидается большой выбор жаждущих джентльменов, впрочем, не будет недостатка и в леди, блистательных и невинных и не столь сдержанных на язык.

Ей пока не из кого выбирать, поскольку многие приличные женихи презрели раут леди Финчли ради своих клубов. Она заметила, как ее напарник хмурится, озирая столовую залу под перекрестным огнем оценивающих взглядов. Благоразумные джентльмены сейчас старательно изображали все то, что запрещали им отчаявшиеся мамыши. Впрочем, девицы тоже не отставали. Мисс Трэнсом уже энергично всплескивала руками, помогая языку, и Кейт представила, как та вот-вот взлетит и закружит под потолком, продолжая неистово щебетать. Однако мисс Ветерби сидевшая неподалеку, уже завладела всеми фишками весьма дешевым приемом, многообещающе наклонилась вместе с хрупким стулом, похоже, лишь две его ноги остались единственной опорой в этом ненадежном мире. И что же здесь подельывает мисс Элстоун? Тоже чахнет, сердито определила Кейт, поникла, словно дама, не преуспевшая на брачном поприще, и не обращает внимания даже на рядом сидящих, потому что потеряла надежду, если не любовь.

– Как вам *ridotto*⁴ миссис Флэмингтон, сэр? – спросила мисс Трэнсом мистера Кроумера наверняка из чистого любопытства, и Кейт, еще не слыша ответа, догадалась, что господина Кроумера вряд ли можно туда загнать.

Он явно смутился.

– Не жалую, – выдавил он через силу и, заняв рот куском пирога с омаром, погрузился в угрюмое молчание, нарочито медленно поглощая деликатес, чтобы язык не выдал нечто такое, о чем он затем пожалеет.

– А вы планируете быть там, лорд Шаттлворт? – не отставала дотошная леди.

«Да, как насчет вас, милорд?» – злорадно думала Кейт, наблюдая, как элегантно поспешно он расправляется со своей слойкой с курятиной.

Словно прочитав ее мысли, он скользнул по ней уничтожающим взглядом и тепло улыбнулся мисс Трэнсом. Та, верно, зашла от восторга, глаза ее заблестели, на щеках вспыхнул румянец.

Кейт посочувствовала романтической глупышке, упрятавшей свою натуру за театральным пустословием, и подавила примитивно-жестокий порыв разбить надежды на особое внимание Шаттлворта, которые, быть может, взволновали восприимчивую душу мисс Трэнсом. Однако Шаттлворт не принадлежит ей, и ни к чему стеречь его, он сегодня доказал это. Желает обяза-

⁴ Бал или вечер музыки и танцев, часто с элементами маскарада, популярный в XVIII в. Также означает место свиданий или игорный дом.

вестись женой, глупо мечтающей о его вечной любви, – его проблема. Впрочем, это отчасти касается и ее, что уж там притворяться.

– На тот день у меня иные планы, – ответил он с явным сожалением.

– Да, – с затаенным злорадством подхватила Кейт. – Ведь леди Тединтон дает вечер вальса, не так ли?

Когда ей донесли, что дама с именем на французский манер, возможно и Селена, леди Тединтон, как-то весной была связана более чем дружбой с юным лордом Шаттлвортом в курортном Бате, Кейт отмела никчемные сплетни, хотя предположение о том, что он мог делить постель с экзотической красавицей, задело ее на удивление болезненно. Шаттлворт – благородный юный джентльмен, не будет наставлять рога прекраснороду Тединтону в почтенных летах, пусть даже ее сиятельство на два-три десятка лет моложе своего повелителя и, поговаривают, весьма вольно интерпретирует свои брачные обеты. Но наверняка никто не знал, поэтому слухи продолжали циркулировать с переменным успехом, а леди Тединтон якобы даже гордилась перед подругами, что сумела очаровать такого крепкого и сильного молодого лорда.

Теперь Кейт склонна была поверить, что Эдмунд не отказался бы внять приглашению темных, как терн, томных глазок прелестной леди. Она живо представляла, как взалкала разочарованная замужеством сибаритствующая леди, завидев его строгое красивое лицо и мужественную фигуру. Понять ее позицию немудрено: муж намного старше, погружен в дела – в парламенте и в поместьях, с детьми от первого брака, – почему бы не пококотничать с энергичным молодым джентльменом, обещающим стать страстным и деликатным любовником? Хотелось верить, что до того дело не дошло, однако, исподтишка наблюдая за неотразимым виконтом Шаттлвортом, Кейт поняла, что на месте леди Тединтон она вряд ли устояла бы.

Нет, она не ревновала, наблюдая, как Эдмунд рассыпается в комплиментах перед мисс Трэнсом, а с ней обошелся сегодня гораздо прохладнее. Задевало то, что ее бывшей обожатель появился в столице с таким видом, будто не понимает, отчего сходил по ней с ума и полагал, что она – центр его Вселенной.

– У меня назначены деловые встречи в тот день, мисс Трэнсом, но, насколько знаю, большинство моих знакомых собираются на ridotto, и если вы намереваетесь быть там, у вас не будет недостатка в собеседниках.

«Разве что прехорошенькая – по слухам – дочь миссис Флэмингтон не оттянет на себя внимание большинства тех молодых джентльменов», – подумала Кейт, но тут же одернула себя: не стоит мелочно придирается, лучше посочувствовать своей новой приятельнице – ей тоже хочется поймать свою удачу. В самом деле, печально заключила она, они с мисс Трэнсом – сестры по несчастью.

– А вы, мисс Элстоун, – осведомился лорд Шаттлворт, словно спохватился отдать дань этикету, – отправляетесь в тот день на Хилл-стрит или на Кавендиш – сквер?

– Не угадали, лорд Шаттлворт, – ответила она загадочно.

– Какое разочарование для ваших поклонников.

– Смею надеяться, они сумеют утешиться.

– О, воздержание и наслаждение – такие разные вещи, мисс Элстоун, поэтому мне удивительно, что вы не пытаетесь проявить чуть больше жалости к вашим поклонникам, – съязвил он, рисуясь перед мисс Трэнсом.

Кейт с горечью отметила, как та вспыхнула, и заставила себя не замечать его презрения.

– Я намереваюсь наслаждаться обществом старой подруги, которая сейчас лишена возможности развлекаться в столь живой компании, однако надеюсь, и хозяйки, и их гости благополучно переживут мое отсутствие, милорд, – невозмутимо проговорила Кейт.

– Красиво изложено, – признал Эдмунд, отвешивая поклон, и Кейт почувствовала, как злые слезы ожгли глаза.

Некогда они слыли почти друзьями, а теперь смотрят друг на друга как заклятые враги.

Ее холодная манерность в общении с лордом Шаттлвортом не ускользнула от внимания досужих сплетников, она кожей чувствовала оценивающие, острые, как копыя, взгляды. Все притворно справлялись о ее здоровье. Тоскуя по безопасному привычному кругу родных и близких, Кейт поняла, что прежде ей везло оставаться вне подозрений злопыхателей.

– Так и знала, вы впали в уныние, не отпирайтесь, милая, – нежно укоряла Элиан, когда они наконец уселись в экипаж и отправились домой. – Зачем же было засиживаться допоздна на такой скучной вечеринке?

– Затем, что мой ранний отъезд дал бы пищу для кривотолков, – устало призналась Кейт и мысленно поблагодарила свою спутницу, которая уже не приставала к ней с поучениями и не указывала на множество унижительных для нее ситуаций этого вечера. Даже вспоминать неприятно свои надменные, неуклюжие реплики. Она неловко поерзала на удобных подушках сиденья. Но уклонись она от разговора, лорду Шаттлворту легко было бы увериться и в ее недомыслии, и в незначительности ее персоны в его глазах.

– Ах, не ломайте себе голову из-за них, – подбодрила леди Пемберли. – Они оголодали за долгую зиму и теперь готовы раздуть скандал на пустом месте.

– Но разве не скандально, если джентльмен, который вздыхал по мне, теперь охладел, – нарочно провоцировала ее Кейт. Впрочем, непонятно было, кого она пытается разубедить – себя или Элиан.

– Разумеется, нет. Однако не забывайте, голубушка, сегодня многие желали бы сравниться с вами и достичь высот, завоеванных вами за последние три сезона. Мне их заранее жаль. Бедняжки, многим из них не суждено даже близко подойти к тем вершинам, они вечно будут оставаться на задворках жизни.

– Не уверена, что отправлюсь вслед за ними, но сочувствую им, хотя вряд ли они примеряются к моему штандарту над холмиком с мощами надежды. Никогда не собиралась занять первую позицию в рейтинге Ллойда⁵ и попирать всех ногами, Элиан.

– Ах, вот в чем проблема. Вы красивы, воспитаны, благородны, окружены любящими вас людьми, и при этом безразличны к своей уникальной прелести. Неудивительно, что добрая половина светских леди втайне завидует вам, а другая половина желает остаться с носом, милая Кейт. Если бы я не питала к вам сердечную привязанность, тоже могла бы невзлюбить вас за столь необычную красоту.

– Но отчего они – да, впрочем, и вы, Элиан, – так ужасно заблуждаются? Среди ваших знакомых – сто лет пройдет – я всегда останусь самой заурядной особой и уж никак не красавицей.

– Знаю, никто не совершенен под небесами, но фортуна благоволит вам, милая, пусть даже вы сейчас и не замечаете ее улыбки. – Элиан, как всегда, смотрела в корень. Маркиза Пемберли знала столько способов спасения бедных и несчастных, порой преступных душ, что Кейт оставалось только дивиться ее жизненной энергии и уважать суждения.

– Разумеется, нет, – призналась она, выходя из кареты и радуясь, что сейчас окунется в домашний уют и развеет грусть после утомительного вечера. Элиан удалось-таки вылепить теплое гнездышко из величественного особняка своего мужа. – Как хорошо, прекрасная маркиза, очутиться в вашей милой резиденции после бальной залы леди Финчли, – попробовала она весело поддеть свою подругу.

– Надеюсь, здесь действительно приятно, – рассеянно отозвалась леди Пемберли, устремив взгляд на своего повелителя, вальяжно шествовавшего ей навстречу из библиотеки, словно перед тем ему не пришлось гнать галопом бедного скакуна, чтобы поскорее очутиться в своем лондонском доме, а затем беспокоиться своей леди у родного очага.

⁵ Ллойд – лондонская страховая биржа.

– Полагала, вы намеревались отсутствовать всю неделю, – зазвенел голос Элиан, пока она обозревала рослого и осанистого, симпатичного лорда, словно проверяя, цел ли он и невредим после такой гонки.

– Я быстро справился со всеми делами, да и дома, полагаю, теплее, – отозвался он, пожирая жену взглядом так, словно не видел целый месяц.

Кейт чуть раздраженно полюбовалась ими. Забавно, что эти двое отказываются признавать свое обоюдное счастье. Она, мысленно пожелав им воспарить в небеса жаворонками, отправилась готовиться ко сну. Без обычной строптивости позволила камеристке суетиться вокруг нее, и девушка, в конце концов не выдержав, спросила, не захворала ли ее госпожа.

– Нет, просто голова разболелась.

– Ах, не влюбились ли вы, мисс Кейт?

– Разумеется, нет. Мне только этого не хватало! – внезапно вспылила она. Сейчас, пожалуй, даже Элиан поверила бы ей.

– Как мне кажется, это чувство прекрасно, – мечтательно откликнулась девушка.

– Ради бога, отправляйтесь спать и не донимайте меня вашими абсурдными замечаниями, пока я не сорвалась на крик.

– Когда-нибудь сами поймете.

Служанка, гордо кивнув и решив, что более ей нечем убедить юную госпожу, отправилась спать. Возможно, ей пригрезится любимый, который увидит в ней свою судьбу, наградит ее оравой ребятишек, а затем оставит ради другой, не такой измученной особы. Но рассуждать так цинично непозволительно даже ей, устыдилась Кейт.

Хотя, верно, неплохо иметь иллюзию грядущей любви, по крайней мере до тех пор, пока жизнь не охладит ее пыл и не разрушит эти чары, тоскливо раздумывала она, забираясь в постель и гася свечу. И прежде чем усталость сморила ее, она продолжала размышлять о том, что человек может быть безумно счастлив, пока длится очарование надуманной влюбленности, но жизнь рано или поздно докажет всю несостоятельность подобных мечтаний, и так называемая любовь постепенно угаснет, словно никогда и не цвела.

Глава 4

Как бы ей этого ни хотелось, Кейт сочла невозможным для себя изобретать уважительные причины и сидеть весь вечер дома ради того, чтобы отклонить приглашение лорда и леди Тединтон на бал в честь выхода в свет дочери его сиятельства. Кейт, правда, желала, чтобы он закончился как можно скорее, хотя, разумеется, не испытывала ревности к милой леди Тединтон и некоему джентльмену, который был – или не был – ее любовником последнюю пару лет. Ее сиятельство обладала незаурядной роскошной внешностью. Поразительная красавица, и неудивительно, что лорд Тединтон, несмотря на свой мудрый возраст, соблазнился ее юностью, чувственными формами и загадочной улыбкой.

То ли остальные не разделяли нежелания Кейт присутствовать на балу, то ли им было любопытно посмотреть, как поведет себя ее сиятельство по отношению к падчерице, которая всего на семь лет моложе мачехи, но в назначенный вечер у парадных ворот лондонской резиденции Тединтонов скопилась бесконечная вереница экипажей. Удивительно, думала Кейт, каким образом этот бал снискал такую популярность. Леди Тединтон мало заботится о соблюдении своей женской репутации, а патронессы Олмака в содружестве с парой знатных дам всегда могут повлиять на успех светского приема в ту или иную сторону. Конечно же порядочность и добросердечие его сиятельства неизменно располагали к нему строгих пэров, но Кейт подозревала, что многие из присутствующих здесь ожидали услышать или увидеть нечто скандальное, они бы расстроились, если б леди Тединтон не предоставила им такой возможности.

Кейт с первого взгляда определила: мисс Тединтон, бедняжка, вполне понимает, *что* думают многие из присутствующих, расточая ей неумеренные комплименты. Элиан права – после скучной зимы сплетницы жаждали крови, и Кейт горько сожалела, что явилась сюда лицедрезать неприкрытое смущение несчастной барышни. Правда, если бы она не приехала, пошли бы ненужные толки о выпадении лорда Шаттлворта из числа ее поклонников и ее реакции на его охлаждение. Слишком многие знали или давали понять, будто знают о том, что леди Тединтон пользовалась весьма пристрастным вниманием лорда Шаттлворта. Ах, как возрадовалась бы она, вздумай Кейт сегодня праздновать труса. Она подождала, пока объявят их с Элиан выход и начнут восторженно сыпать приветствиями, подобающими маркизе и ее протеже, и гадала, не поперхнется ли при этом леди Тединтон. Кейт хотелось, чтобы некий маг догадался взмахнуть волшебной палочкой и в мгновение ока перенес ее в будущее, как раз к окончанию этого вечера.

– Великолепно выглядите, – уверенно шепнула Элиан, и Кейт рассердилась на себя: нельзя так явно демонстрировать свое кислое настроение. – Ваше новое платье потрясающе, так что все дебютантки могут сегодня отдыхать, вы их затмите. Да, ни одна из них не способна носить безупречное белое платье с таким шиком.

– Благодарю вас. Даже особе двадцати одного года есть что сказать, если на ней такое платье. – Кейт грустно улыбнулась своей компаньонке. Странно, но она так нервничает этим вечером.

Действительно, ладный крой ее белого шелкового платья с богатым ажурным плетением по краю корсажа и юбкой-колоколом весьма эффектно подчеркивал фигуру. Редко какая дебютантка осмелится носить такой фасон. Она взбодрилась, когда высокие зеркала на парадной лестнице подтвердили ее удивительно уверенный вид и элегантность наряда. Правда, наряд, на ее вкус, пышковат, но портниха уверила, что такая вычурность теперь в моде и негоже мисс Элстоун отставать. И высокая талия, и расширенная юбка – все к месту. И рыжие волосы выгодно оживляют лицо – она знает за собой это редкое преимущество, так что самый строгий критик не посмеет назвать ее пресной и бесцветной. В свои двадцать с хвостиком ей не

засорно носить жемчуга и бриллианты, она может украсить запястья, шею и уши наследным гарнитуром матери, чувствовать себя защищенной и уверенной в своей правоте.

Смешно волноваться из-за каких-то дебютанток, и она, предвкушая грядущие восторги, лучезарно улыбнулась, когда наконец подошла их очередь представляться томно-усталой леди Тединтон. От сумрачных очей ее сиятельства веяло холодком, и Кейт захотелось глянуть в одно из искусных зеркал, удостовериться, что меж ее лопаток не торчит острый нож. Она так застыла, что вряд ли сама чувствовала то морозное лезвие.

– Как мило, что вы смогли уделить внимание нашему скромному приему, – проворковала ее сиятельство, словно и в самом деле восторгалась их прибытием.

– О, мы ни за что не упустили бы такую уникальную возможность, – отвечала Элиан фальшиво, и Кейт стало интересно, насколько далеко могут зайти в любезностях светские дамы, нацелясь уязвить своих врагов. – Как интересно подобраны цветы и ткань, прекрасно оттеняют внешность вашей девочки, ангельской блондинки, – добавила Элиан, многозначительно взглянув на его сиятельство, и тот призадумался, взирая на восточную пышность вишневых шелков, драпирующих бальную залу, явно неуместных для невинного вечера в честь дебютантки.

– Дорогая Филиппа обожает этот особый оттенок бордового шелка, и все мои замечания ничуть не изменили бы ее мнения по поводу неумеренной драпировки бальной залы. Мудрость нечасто сопутствует молодости, не правда ли, леди Пемберли? – предупредительно отвела удар вальяжная хозяйка.

Кейт заметила, как «дорогая Филиппа» удивленно нахмурилась, но спохватилась и обескураженно взглянула на папу из-за бордового – в тон шелкам за ее спиной – веера. Вещица явно не подходила дебютантке, особенно голубоглазой блондинке. Дорогой затейливый веер странно смотрелся на фоне простого белого платья, которое ее сиятельство, вопреки всему, все же купила для юной девочки. «В конце концов, – цинично размышляла Кейт, – кому охота тратить лишний пенни на падчерицу, если ее сиятельство вполне способна наделить ту своими обносками и урвать себе излишки отпущенных средств».

Как ни печально, лорд Тединтон радостно кивал, внимая неубедительным доводам своей красавицы графини, явно не желая видеть дальше собственного носа. Кейт, искренне жалея его детей от первого брака, ободряюще улыбалась несчастной Филиппе, пока Элиан обменивалась притворными любезностями с хозяйкой. Заметив ответную робкую улыбку, Кейт решила, что непременно подзадорит наиболее приятных знакомых джентльменов истребовать бальную карточку Филиппы Тединтон, пока мачеха не подтолкнула ее в некие липкие руки быстро и дешево.

– Ужасная женщина, – шепнула Элиан, проходя вместе с Кейт в бальную залу, и приостановилась, пристально обозревая компанию гостей.

– Сомневаюсь, что большинство джентльменов согласятся с вами, – шепнула Кейт, высматривая кого-то взглядом среди томящихся особей мужского пола, одновременно ругая себя за этот идиотизм.

– У некоторых вполне достанет ума видеть подоплеку очевидного. – Элиан явно желала убедить свою протеже, что Эдмунд как раз из когорты мудрецов, но зачем намекать, если он для Кейт – ничто и мнение о нем ее вообще не касается.

– Но у некоторых его недостает, – как бы между прочим сказала Кейт, на секунду задержав взгляд на золотисто-каштановой шевелюре Эдмунда.

Он склонился перед одной из прехорошеньких дебютанток нового урожая, чтобы проставить инициалы в ее бальной карточке. Затем галантно поклонился ей и очаровательно улыбнулся.

– Не сказать, что вас заботят его думы, – ласково продолжила Элиан, и Кейт, прекратив притворяться, что не следит за лордом Шаттлвортом, одарила свою приятельницу ледяным взглядом.

– Нет, не сказать, что я так глупа, чтобы ими озаботиться, – поддакнула она.

– Лжете, – тихо шепнула Элиан, отыскивая взглядом наилучшее место в зале.

Как всегда, ей снова удалось остаться правой и закрепить свои позиции любезной, безжалостной улыбкой.

– Я слишком стара, чтобы стоять, как экспонат на витрине, однако достаточно молода, чтобы сидеть на скамье для компаньонов, – безмятежно пояснила Элиан, когда Кейт подняла брови, поражаясь ее тактике.

– Вы всякий раз ловко и не без выгоды, вертите своим возрастом.

– Одна из немногих привилегий – регулярно ссылаться на свои годы.

– А ваш титул?

– О да, конечно же, само собой. Разумная особа обязана пользоваться всякой дармовой привилегией из набора, коим одарил ее благоверный лорд, во имя праведности, вы согласны, Шаттлворт? – спросила Элиан у джентльмена, которого Кейт прилежно не замечала.

Она теперь смотрела затуманенным взором поверх его головы, как надменная старшесклассница, иначе хозяйка бала не преминула бы заметить, что она напоминает оголодавшую кошку из детского стишка, которая завидела лакомую добычу под тронем королевы.

Кейт досадовала, что ее лишили шанса обойти его стороной, поэтому приветствовала лорда резким кивком – он вполне заслужил подобную бесцеремонность за ее смятение и муки. Она с радостью могла бы зайти и дальше в своих оскорбительных манерах, однако ей достало ума остудить свой пыл, когда он ответил на ее удар рассеянным наклоном головы.

– По раскладу, миледи. – Он, к зависти Кейт, приятно улыбнулся маркизе, и она почувствовала, как свело ее застывшие скулы, когда он наконец соизволил встретиться с ней взглядом.

– Вы всегда так обходительны, Шаттлворт? – поддела Элиан.

– Не всегда, – парировал он довольно сурово, и Кейт сообразила, что его холодный взгляд адресован ей. – Но никогда не обойду вас, миледи, поскольку вы бережете мои силы. – Он лениво улыбнулся, и у Кейт стиснуло горло – так несправедливо он пограл ее самоуважение.

– А остальные вынуждены жить, утешаясь последствиями вашего расклада, когда дама набирается уверенности в своем всесии, хотя у госпожи маркизы есть все онеры,⁶ милорд, – упрекнула она его беспечным тоном, удивляясь, отчего вдруг решила заговорить с тем, кому даже видеть ее здесь неприятно, тем более беседовать с ней.

– И остальные, мисс Элстоун, никогда не обретут покоя, пока вы передергиваете карты и обхаживаете наш статус своим наждачным язычком, не так ли, леди Пемберли? – не остался он в долгу.

– Так, – со всей искренностью подтвердила Элиан, и Кейт прочувствовала шаткость своих суждений.

– Неужели я настолько резка и противоречива, даже для тиража?⁷ – опрометчиво спросила она.

– Только когда без конца ошибаетесь. Это самое досадное в вас, – откровенно уколол он, и Кейт мысленно выбрала свою тупость: как можно разувериться в своих силах и свести на нет все то, что сумела восстановить после крушения, которое довелось пережить ей и Иззи?

– А вам думается, *вы* наделены божественным правом являть собой образец корректности? – вкрадчиво спросила она, старательно отводя взгляд.

– Конечно, – отвечал он, и меж его бровей слегка обозначилась вертикальная морщинка. Он увидел стеснение и, несомненно, обиду, укрывшуюся за ее надменным самодовольством.

⁶ Онер – в некоторых карточных играх козырная старшая карта, от десятки до туза.

⁷ Тираж – процедура розыгрыша мест за игорным столом (например, при игре в вист), когда игроки по очереди тянут карты из колоды. При этом туз по традиции считается младшей картой.

– По-моему, мужчине недопустимо прикрываться своим превосходством над женщиной, принимая это навязанное обществу заблуждение за данность, ваша милость. Прежде чем присваивать щит, надо доказать, что владеете им, – с вызовом бросила она и наконец сумела холодно встретить изумленный взгляд его серо-зеленых глаз и легко иронично улыбнуться.

– С восторгом доказал бы, если вы наберетесь мужества и рискнете испытать ваш неотразимый щит в моих руках, мисс Элстоун. – Он откровенно похотливо посмотрел на нее и улыбнулся, по-мужски соблазнительно.

Кейт, неотрывно следившая за его губами с некими надеждами на то, что они внезапно откроют ей тайны Вселенной, решительно сжала кулаки опущенных рук, чувство потери едва не подкосило ее. Нет, зря его пронзительно-изумрудный взгляд предвкушает легкую победу, она твердо отражает его своим стальным щитом. К счастью, никто, кроме нее, не подозревал, что ее острые ногти, силясь впиться в нежные ладони, едва не прорвали тонкие лайковые перчатки, пока она стойко урезонивала свои примитивные инстинкты. Обозримые перспективы были довольно унылы.

– Не обольщайтесь, милорд, – произнесла она тихо, но с нажимом в голосе.

– Мне это ни к чему, если вы в свое время не прельстились перчатками, которые я позаволил бросить к вашим ногам.

– Никогда не опускалась до трусости, вы сами ретировались без боя.

Но тут атмосфера в зале всколыхнулась, и та вибрация по своей напряженности превзошла легкое недоразумение между двумя завзятыми спорщиками, которые некогда вполне могли сплести свои жизни кельтским узлом. У Кейт пересохло во рту, сердце зачастило, однако она решительно заставила себя держать презрительную паузу, дабы осадить наглеца. Обжигая друг друга взглядами, они едва сознавали неуместность выяснения своих намерений и желаний на публике, но не могли скромно потупить глаза и разойтись в стороны. Не уклоняясь от его ледяного взгляда, Кейт непроизвольно вздохнула и облизнула пересохшие губы, изумляясь страсти, дико блеснувшей в его глазах. Он сменил самоуверенный язвительный гнев на искушительную сумрачную чувственность, и это не к добру.

– Полагаю, любезные, вы рискуете пропустить первый вальс, если не спохватитесь. – Элиан нарочито бодро вмешалась в их молчаливый поединок, обещавший важную победу, Кейт никак не могла вспомнить, зачем она ввязалась в него.

– Какой стыд, однако, – подкислила она его радость к всеобщему одобрению, хотя губы едва слушались, а язык отчего-то присох к нёбу.

– Вы уже пообещали танец другому, мисс Элстоун? – не дрогнул Эдмунд, правда, отчего-то не пожелал потакать ее ожиданиям и не отправился отыскивать ту хорошенькую крошку, с которой успел побеседовать.

– Нет, но, смею заметить, пообещали вы.

– Вы ошибаетесь, впрочем не впервые, так что лучше поторопитесь со мной на первый тур, пока мы не привлекли к себе всеобщего внимания, – откликнулся Эдмунд.

– Никогда не танцую с пэрами, которые указывают, как мне поступать.

– Тогда умоляю, окажите любезность нам обоим и пройдите со мной в круг, прежде чем злые языки успели наплести множество версий нашего опоздания, мисс Элстоун, – изложил он свою просьбу весьма требовательным тоном.

Он прав, многие уже оглядывались на них. Кейт, стремясь выйти из неловкой ситуации, мило приняла его руку и позволила вывести себя на танец, словно нет ничего приятнее, чем танцевать с задирой и грубияном. Однако он вовсе не собирался держаться в рамках светского притворства и рискованно увлек ее за собой в неведомый чувственный мир. Все знакомые ориентиры завертелись и слились перед ее взором.

– Отчего вы так внезапно возненавидели меня, милорд? – услышала она свой голос, едва они закружились в танце. Проклятие, не надо было позволять ему прижиматься так тесно.

Это было так странно при их нынешней антипатии, поскольку раньше между ними никогда не возникало столь пьянящей близости, он всегда оставался партнером, достаточно искусным, чтобы не отдавить ей ноги.

– У меня нет к вам ненависти, Кейт, – ответил он без тени намека на улыбку, глядя в ее гордо приподнятое лицо с застывшими недоверчивыми глазами.

– Вероятно, тогда стало бы легче, – тоскливо заметила она.

– Вам или мне?

– Нам обоим.

– Так, значит, вы все-таки трусите, – пробормотал он, однако продолжал держать ее, словно ценный трофей, который так естественно гармонирует с ним, словно им на роду написано танцевать вместе.

– Как так? – вздохнула она, перебарывая глупое желание прильнуть головой к его плечу и подремать до скончания вальса, словно ни к чему иному такая близость между ними не могла располагать. Живое представив такое позорное зрелище, она выпрямила спину и слегка отстранилась.

– Если вы когда-либо отважитесь заглянуть в свою трепетно хранимую душу, мисс Элстоун, непременно отыщете ответ и на этот, и на некоторые другие вопросы.

– Не понимаю, что вы хотите сказать. – Она досадовала, что нельзя сейчас скрестить пальцы, произнося эту жалкую ложь.

– Зато я понимаю, и в этом вся печаль, – мрачно ответил он, и они неловко молчали до окончания танца.

В итоге им удалось отмежеваться друг от друга не только в физическом плане. Кейт теперь изумлялась себе: какой же она была дурой, отвергнув его предложение, правда, он требовал больше, чем она могла тогда предложить. Спасибо, ему достало разума обрубить все ниточки их взаимной привязанности. А все-таки несправедливо, что теперь они принуждены идти по жизни врозь, словно их былой дружбе пришел конец. Она даже неприлично замешкалась, не решаясь принять его безразличную руку после танца – он будто собрался спроводить некую неприятную особу к ее компаньонке.

Надев маску безмятежного спокойствия, она бесстрашно дотронулась до рукава безупречно скроенного фрака, и дремавший в ней жар живо устремился к кончикам пальцев, их словно ожгло от прикосновения. Возмутительно и смешно обольщаться его мускулистой рукой после бывшего безразличия. Ее размышления о превратностях их отношений были прерваны самым грубым образом.

– Какой восторг, правда, прелесть моя? – спросила леди Тединтон, когда они, бодро выходя из круга, едва не столкнулись с ней.

– О, им танцевать годы и годы, и тогда не угнаться за вами, дорогая, – откликнулся ее муж, и Кейт поняла, что ее сиятельству не улыбается перспектива быть причисленной к прекрасным, совершенным и умудренным годами, хотя по-медвежьему услужливый муж не обратил никакого внимания на ее гримасу.

– Совершенство достигается непрерывной практикой, верно, лорд Шаттлворт? – среагировала леди и глянула на него откровенно похотливым взглядом из-под опущенных век, словно желая проверить силу своих любовных чар – возможно, намекала на продолжение их отношений.

– Достигнув совершенства, мастер может и отдохнуть, миледи. – Эдмунд поклонился преувеличенно галантно, и Кейт подумалось, что таким образом он, верно, пытается установить дистанцию в своих отношениях с этой женщиной, вряд ли поощрить ее интерес.

– Но если он перестарается, совершенство уйдет от него, – прошелестела леди.

Кейт удивилась: неужели дражайший супруг предпочел не замечать подоплеки рыцарского турнира, затеянного ею перед самым его носом?

– Чуть заметное несовершенство всегда казалось мне намного человечнее. – Эдмунд тепло глянул на Кейт, по ее предположениям, он тонко намекает леди Тединтон, что ставит Кейт выше ее, кроме того, они более не друзья.

– Тем не менее его ненадолго хватит. Человеку с утонченным вкусом, вне зависимости от опыта, нелегко примириться с ошибками дилетанта, принужденного овладеть тем совершенством, какое по наитию, почти без усилий дается иным посвященным. Такая неуклюжесть временами просто раздражает, – ответила ее сиятельство.

Непостижимо, думала Кейт, столько злорадства можно вложить в один томный насмешливый взгляд, каким ожгла ее визави. Надо бы пожать в ответ плечами и найти благовидный предлог, чтобы исчезнуть, позабыв распрощаться, но нельзя предавать Эдмунда, пусть даже он и проклиняет ее сейчас.

– Насколько могу судить по собственному опыту, уроки одаренного учителя взаимно стимулируют ученика и преподавателя, – выдвинула она свой щит, словно и не подозревала о тайном – гадком – смысле этой битвы на три фронта, разразившейся против лорда Тединтона.

– Наслышана, ваша бывшая гувернантка воспользовалась своим положением в благородном семействе и отхватила богатого влиятельного мужа. Наверное, беспечным джентльменам следует особо остерегаться таких уроков, мисс Элстоун. – Фальшь улыбки была так ослепительна, что только супруг сумел поверить в ее лучшие намерения.

– Вы имеете в виду служебное положение моей гувернантки или же ссылаетесь на то, что она единственная внучка и наследница герцога и герцогини Девингем, миледи? – уточнила Кейт с такой обворожительной непосредственностью, что ее соперница в бессильной ярости невольно и ощутимо громко клацнула белыми зубками.

– Поскольку эта чудачка имела глупость денонсировать последнее предположение, остается только одно. Но как ловко все это было сфабриковано! – взъерилась леди Тединтон, почувствовав, что желанный любовник ускользает из ее цепкой хватки.

Взгляд Эдмунда заledenел от неподдельного презрения.

– Порой, – спокойно начал он, и даже Кейт вздрогнула от его мертвенно-холодного тона, – требуется отыскать замшелого прожектера, чтобы узреть слона там, где и мухи не было, миледи.

Он отдал дань этикету, церемонно поклонился и растянул губы в дежурной улыбке. Лорд Тединтон благодушно рассмеялся, словно не подозревая, как разгневана его жена – с его попустительства ее тонко уличили в дьявольских замашках.

– Действительно, пора. Не удостоите ли вы меня чести танцевать с вами, дорогая? – жизнерадостно спросил он, вполне довольный собой. – Вы сами соблазнили меня на танец с вами вместо приема припозднившихся гостей, так пусть теперь полюбуются на нас в следующем туре и поймут, почему мы удрали от них, а? – ласково уговаривал он жену.

Кейт подавила смехок, наблюдая, как ее сиятельство едва сдерживается, чтобы не взорваться от его собачьей преданности. Эта ведьма теперь неотрывно следила за ними, почти не скрывая своей злости, вероятно, ей хотелось, чтобы Эдмунд разделял верноподданнические чувства. Кейт, спасшая его из тенет интриганки, была ей ненавистна. Знай эта гарпия, как мало чувств осталось у Эдмунда к самой Кейт, она давно уже взвилась бы и радостно каркала над ней. Ах, как хотелось бы избежать момента, когда объявят о помолвке Эдмунда с некой волоокой дебютанткой.

– И что вы нашли в ней? – неосторожно пробормотала она, когда хозяева закружились в танце, а музыка зазвучала достаточно громко, чтобы заинтригованный слушатель не уловил ее голоса.

– Вы столь долго отказывались стать моей женой, мисс Элстоун, что даже упоминать о том излишне. Поэтому столь же излишни дерзкие вопросы с вашей стороны. Полагаю, в будущем вы научитесь оставлять при себе и свое высокое мнение, и те сплетни, коими мои

недоброжелатели успели напичкать вас, – заметил он тем же ледяным тоном, каким только что осадил ее сиятельство, и Кейт почувствовала, что сейчас расплчется на глазах у всех, если потеряет над собой контроль.

Стараясь не всхлипывать, она прикусила губу, величаво кивнула ему, не позволила себе пошатнуться.

– Желаю приятного вечера, милорд, – произнесла она достаточно безразличным тоном, когда они приблизились к Элиан. Та вздохнул сплетничала о чем-то с одной из закадычных подружек, расположившись на канapé цвета бордо. Этот оттенок досадно напомнил Кейт о хозяйке вечера.

Она отделалась от Шатлворта формальным книксеном, он поклонился столь же равнодушно и надменно, как прежде отнесся к проискам ее сиятельства, и они разошлись, прежде чем Элиан успела заметить их рядом и найти предлог для дальнейшего общения.

– Это, должно быть, один из самых утомительных приемов, и нас угораздило здесь появиться, Кейт, – бодро приветствовала наставница, когда ее подруга, погрузившись в самые волнительные тайны высшего света, направилась к нерешительным юнцам соблазнять их потанцевать с ее дочерью-дебютанткой.

– Конечно, – промямлила Кейт, стараясь прикрыть маленьким веером наиболее значимые следы смятения на своем лице.

– Вы перенервничали, милая! – воскликнула Элиан, заметив лихорадочный румянец на щеках Кейт, сменившийся мертвенной бледностью при воспоминаниях холодной ярости Эдмунда, когда она намекнула на его предполагаемые амуры с хозяйкой бала.

– Немного отдышусь и приду в себя, – сдержанно сказала она, сердясь на свой предательский язык: зачем было высовываться со своей больной реакцией, даже если он и был в любовных отношениях с той лисой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.